

В

ЕСЕЛОГО, молодого капитан-лейтенанта зовут Саша Гусев. А сам себя он именует по-флотски — «каплей». Колоритная речь и «шкикарные» манеры «каплея» с неопровержимостью свидетельствуют о том, что родился он в неповторимом городе, который зовется Одессой. И кажется, все у этого капитан-лейтенанта легко и безоблачно. Вот и сейчас, в разгар вечеринки, он артистично просит новую знакомую проводить его до аэропорта. Но в действительности и пижонство его, и донжуанство — лишь оболочка. Вот разговор заходит о вещах больших, главных — и Гусев преобращается: «Когда мне начинают капать на голову и говорить что-то такое про нашу молодежь, я всегда отвечаю: «Извините!..» Знаете, есть такой народ — не доверяют, не верят: мол, мальчишки, девочки, чего они могут, все у них несерьезно. Но пока не доверишь человеку дела, не узнаешь, на что он годится. Так!.. Вот такие у меня хлопцы... Конечно, бывает всякое, и армия — не карусель с лошадками, но, когда мы идем в поход, я знаю: мои хлопцы будут на высоте. И мы друг друга понимаем — вот так!..»

И еще вдруг оказывается, что душа у этого разбитного Гусева очень ранимая, незащищенная и по-своему целомудренная: «У меня гениальная квартира, гениальная служба, вот такие друзья, у меня все!.. Но, знаешь, чего мне хочется больше всего? Чтобы пришел человек и взял все это, как подарок. Любовь — это когда хочется все отдать, когда ходишь и ждешь, кто возьмет, кому отдать, что еще сделать? Чем еще обрадовать, удивить, украсить?»

Да, понравилась Гусеву девочка. А у нее уже есть свой мальчик. Грустно Гусеву. И капитан-лейтенант уходит, отказавшись от

КАЖДЫЙ ВЕЧЕР, В ПОЛ- ВОСЬМОГО...

заманчивых проводов, ибо понимает, что в конце концов для полюбившейся ему девочки это — не настоящее. А размениваться на мелочи Гусев и сам не желает, и другим не позволит. Гусев уходит под овацию зала.

А потом там, за кулисами, актер Геннадий Богачев долго не может освободиться от своего героя, сожалея, что в спектакле «Валентин и Валентина» у его Гусева лишь одна сцена. А играть хочется еще и еще...

ИГРАТЬ ему хотелось всегда. Правда, сначала тянуло и клоунаде, и поэтому был первым весельчаком на школьных вечерах. Школа — на площади Искусств, и жил совсем рядом, в окружении театров и концертных залов. В общем, дорога на сцену в какой-то мере была предопределена уже геогра-

фией. Из-за этой самой сцены пришлось расстаться даже с сестрицей легкой атлетики, где Генке предсказывали великое будущее: с такой, мол, фактурой, с таким ростом (за сто восемьдесят!) в прыжках с шестом только рекорды ставить... Но он махнул рукой на рекорды и пошел в драматическую студию.

Дома думали, что это так, блажь, но когда Генка вдруг объявил, что подает документы в Театральный институт, начался форменный переполох. Отец, полковник, пригласил другого полковника, друга, и вдвоем они надели на новоявленного артиста, обстоятельно втолковывая ему, что совсем негоже изменять хорошим семейным традициям: отец — военный, брат — военный... Но Генка стоял на своем, показав самостоятельный мужской характер.

Этот характер проявился и на вступительных экзаменах, когда, тур за туром, отсеивались даже маститые претенденты, которые поступают, по пять-шесть раз, а Генка, хоть и волновался до тош-

ноты, вышел из изнурительного поединка победителем.

Учился азартно, но все время ощущал, что, в сущности, он еще совсем мальчишка, что нет за душой никакого опыта, и поэтому, когда на третьем курсе получил повестку из военкомата, обрадовался: унаю жизни! Что ж, три армейских года даром, действительно, не прошли. Узнал и почему фунт лиха, и что такое настоящая мужская дружба. И когда старший сержант Богачев вернулся в дом на Моховой, это был уже иной человек, способный, если понадобится, перевоплотиться в капитан-лейтенанта Гусева.

Но до Гусева было еще далеко. До Гусева был Дэвид в пьесе Теннесси Уильямса «Орфей спускается в ад» и Оптимистенко в «Бане» Маяковского. Обе роли Геннадий решал далеко не традиционно, прежде всего — пластически, на что обратил внимание и Георгий Александрович

Товстоногов. Так Богачев стал артистом театра, где играли его кумиры, попасть на спектакли которого еще недавно считал для себя за сущее счастье.

ПОНАЧАЛУ шли вводы в старые спектакли, когда приходилось заменять других актеров, и тут главным было — не вывалиться из ансамбля, чтобы зритель этого ввода вовсе и не заметил. Задача не ахти какая благодарная, свою индивидуальность здесь особенно не проявишь, но Геннадий все равно работал с огромным интересом — и вот мы смогли встретиться с сенатором Кингом, меньшевиком Владимиром Михайловичем, рекрутом по имени Немочь... Потом самостоятельная работа в «Защитнике Ульянова» — террорист Корнелий Рогальский. И хотя роль эта весьма эпизодична и написана далеко не идеально, мы все равно почувствовали и силу, и размах, и удаль этого человека, по-своему убежденного в своей правоте. И снова живописная пластика, снова выразительные руки, которые порой рассказывают о герое больше, чем самый подробный текст роли.

Почему-то, вопреки собственной молодости, играть Геннадию приходилось в основном так называемые «возрастные» роли. Вот и в «Ревизоре» — самый дряхлый старикашка, чиновник Растаковский, достался именно на его долю. И только Гусев впервые свел на сцене артиста с молодым современником. А это очень важно — сыграть именно сверстника, современника, потому что только тогда контакт со зрителем может быть по-настоящему сердечным и близким, только тогда есть возможность высказаться о

главном, что волнует сидящих в зале сегодня. Роль Гусева стала для Богачева в БДТ первой высотой. Всякий раз, идя на встречу с Гусевым, Геннадий ощущает в сердце праздник.

ИГРАЕТ он много, 25—26 спектаклей в месяц. А еще каждодневные репетиции, а еще общественная работа — в комсомольском бюро возглавляет шефский сектор. Значит, концерты и на Метрострое, и в 222-й школе — его забота. Сейчас подготавливают два концерта только силами комсомольцев: за своих друзей Геннадий спокоен — и за Ирину Комарову, и за Светлану Головину, и за Инну Варшавскую... А ему надо еще порепетировать. Да написать заметку в «Реплику» — так называется в их театре стенгазета. А еще — он молодой папа, и поэтому каждая свободная минутка целиком и безоговорочно посвящается маленькому Роману.

Через месяц мы увидим его в мюзикле по пьесе грузинского драматурга Авксентия Цагарели «Ханума». Герой спектакля Котэ сулит нам много песен, танцев и вообще веселья. Затем — совсем иная встреча: Захария Мурарон в булгаковском «Мольере». Бывший балаганный шарлатан, получивший дворянское звание и ставший великим артистом, усыновленный Мольером и отплативший ему за это предательством, — образ чрезвычайно сложный и интересный, над которым Геннадий сегодня работает до счастливого изнурения.

НЕДАВНО, вернувшись из театра, растроганный судьбой капитан-лейтенанта Гусева, отец сказал сыну:

— В общем, ты молодец, что тогда не послушал нас с полковником... А знаешь, это у тебя — от меня. Я в двадцать восьмом, помню, тоже сочинил пьеску для агиттеатра...

Л. СИДОРОВСКИЙ

Фото Э. Кривцова

ВОТ ОНА
МОЛОДОСТЬ
СЕМИДЕСЯТЫХ!

